

Новейший «Сатирикон»

Недавнее интервью автора нашумевшей разработки «Правда о войне 1812 года» Евгения Понасенкова, размещенное на сайте «Собеседник.RU», невольно вынудило перечитать соответствующий сюжет «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом», вышедшей более сотни лет назад. Для Н. Тэффи, О. Дымова и А. Аверченко – классиков русской сатиры, группировавшихся вокруг чрезвычайно популярных в начале XX века журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» (1908–1918 годы), – это была безусловная творческая удача. Тогда как для современного ученого необоснованно подаваемые под таким острым соусом исторические сюжеты выглядят как неприкрытая фальсификация.

Во «Всеобщей истории...» о нашествии Наполеона на Россию можно прочесть: «После мирной кончины Павла Первого на престол взошел Александр Первый. Это сильно обидело Наполеона. «Я не могу допустить, – заявил он, – чтобы на одном земном шаре были два первых государя! Или я, или Александр. Наполеон приказал французам одеться и пойти на Москву» [1, с. 197].

Язвительно? Да! Однако то, что – в силу самого веселого и острого жанра литературы – было позволительно сатириконцам (неслучайно они отмечали, что повествование «составлено по заслуживающим и не заслуживающим доверия источникам» [1, с. 201]), совершенно недопустимо для исследователя.

В научном опусе Е. Понасенкова российский император Александр I предстает настоящим политическим чудовищем, который «к 1812 году... уже поработал агрессором дважды», «обманул дворян», «сделал из своего народа биологический сырьевой придаток, торгуя солдатами». Сюрреализм! Подобного набора уничтожительных характеристик в отношении кого-либо из государственных деятелей дореволюционной России невозможно встретить даже в чуждой сентиментальности советской историографии.

Прежде всего, о том, что в 1805 году Александр I «пошел на Францию и русских солдат погнал через всю Европу», а в

1807 году «вновь повел свою армию во Францию»... Собственно, здесь речь идет о таких знаковых исторических факторах, как 3-я и 4-я антифранцузские коалиции, деятельность которых обуславливались разворачивавшейся в Европе агрессией французского императора Наполеона I. Сражения происходили отнюдь не на территории Франции. Самые известные из них – под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 года (Моравия) и Фридландом 2 (14) июня 1807 года (Восточная Пруссия). Ну очень уж далеко от Парижа! Основную военную силу 3-й коалиции представляли Австрия и Россия, 4-й – Пруссия и опять же Российская империя. По большому счету и в том, и в другом случае русской армии пришлось сражаться в одиночку. Англия же, со своей стороны, брала на себя обязательства финансового обеспечения союзников. При этом денежные расчеты делались относительно численности выставленных войск – о какой-то «торговле солдатами» русским императором речь не шла. Думается, это должно быть прописными истинами для бывшего студента истфака МГУ.

Тем не менее молодой российский исследователь и далее сообщает удивительные факты: «...чтобы получить деньги на новую агрессию, Александр I в 1810-м продает в крепостное рабство 10 000 государственных крестьян» (в результате этого российский император «выставил на границе три армии!»). Действительно, в начале XIX века в обремененной войнами Российской империи стал просматриваться финансовый кризис. В подобной ситуации в 1810–1817 годах государство продало в частные руки до 10 тыс. казенных крестьян (заметим, что Александр I прекратил широко практиковавшуюся при Екатерине II и Павле I их традиционную раздачу дворянству). На наш взгляд, за всем этим стоял прагматичный поиск возможного выхода из тяжелой экономической ситуации. В 1806 году помещикам было предписано продавать крепостных не меньше чем по 75 рублей за ревизскую душу [2, с. 672]. Исходя из подобных расчетов, можно предположить,

что в рассматриваемом случае казна могла получить в конечном счете около 1 млн рублей. Естественно, ни о какой агрессии России при этом говорить не приходится: военные расходы кампании 1812 года обошлись империи в несоизмеримо большую сумму – 200 млн рублей [3, с. 72]. К тому же надо иметь в виду, что продажа крестьян продолжалась и после победы над Наполеоном. Следовательно, она совершенно не была связана с какими-то «агрессивными планами» российских властей.

Далее Е. Понасенков отмечает, что в 1807 году, во время мирных переговоров в Тильзите, французский император в целях заключения союза не только «не наложил на царя-агрессора контрибуцию, но и подарил Белостокскую область, закрыл глаза на захват (Россией. – Прим. авт.) Финляндии, Молдавии и Валахии». Однако общеизвестно, что за наполеоновским «подарком» скрывались реалии обострения «польского вопроса». Вместе с тем исследователь почему-то опускает, что обозначенные территориальные присоединения России (реально – Финляндия и Бессарабия) – результат российско-французских договоренностей на высшем уровне осени 1808 года в Эрфурте (сама встреча императоров была инициирована Парижем).

«В 1812-м, используя все средства сохранить мир, Наполеон был вынужден начать кампанию...». Подобное заявление российского историка совершенно не обоснованно, так как в действительности тильзитские соглашения 1807 года стали лишь временным компромиссом между Францией и Россией. Даже при навязанном российской стороне союзном договоре страны по-прежнему сохраняли потенциал многочисленных непримиримых противоречий. «Феодальная монархия, которая не умеет зарабатывать» (определение Е. Понасенкова), прекрасно осознавала, что сокращение внешней торговли России в 1808–1812 годах на 43 % при общем отрицательном торговом балансе – это прямое следствие ее насильственного присоединения к системе континентальной блокады [4, с. 290–291]. Во избежание краха экономики российские власти и вынуждены были нарушать запрет на торговлю с Англией. Общеизвестно, что тильзитские договоренности нарушались

и наполеоновской Францией. В частности, Наполеон I подавал полякам надежды на восстановление государства в границах 1772 года.

В целом можно сказать, что разгром основных противников (Англии – как экономического соперника, России – как военного) позволял Наполеону реализовать идею своего европейского, а практически и мирового господства. Справедливости ради надо отметить, что в сложившейся ситуации российские власти были обеспокоены не только проблемой сдерживания возможной агрессии Франции и сохранения государственного суверенитета, но и вынашивали собственные гегемонистские планы. Однако они были несоизмеримо меньшими в сравнении с французским вариантом, поскольку соотносились, прежде всего, с польскими и германскими территориями [5, с. 28–29].

Собственно целью военной кампании 1812 года Наполеон ставил разгром разрозненных армий противника в приграничных генеральных сражениях и последующую капитуляцию России. Однако видеть за всем этим только желание, «чтобы Александр следовал своей подписи под Тильзитским трактатом», как делает интервьюируемый, весьма примитивно. Конечно, нередко признаваемая исследователями угроза возможного порабощения Наполеоном русского народа уже никак не соответствовала достаточно цивилизованному международным нормам начала XIX века. Вместе с тем поражение сулило России территориальные потери, политико-экономическую зависимость от Франции, одностороннее развитие в качестве аграрно-сырьевого придатка Европы.

Пример битвы под Аустерлицем свидетельствовал, что Александр I как полководец не состоялся. Однако совершенно нет никаких оснований утверждать, что при переходе 12 (24) июня 1812 года французскими войсками западной границы Российской империи «царь отважно отбывает из армии в Петербург и издалека наблюдает, как русская армия храбро отступает». Предпринимавшиеся и до Е. Понасенкова исследовательские попытки отыскать в действиях российского императора во время нашествия «галлов и с ними двенадцать языцы» недостойные уважения факты поведения не име-

ют под собой оснований. Александр I твердо придерживался принципов манифеста от 13 (25) июня 1812 года, в котором объявлялось о начале войны: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем» [6, с. 354]. Отметим, что уже во время следования царя из расположения 1-й армии в столицу – 6 (18) июля – в Полоцке был подписан «высочайший» манифест о формировании народного ополчения, в котором содержался призыв к населению встать на защиту Отечества [7, с. 388]. К слову, Е. Понасенков искажил реалии судьбы первого ополчения в России периода наполеоновских войн («им [дворянам. – Прим. авт.] их рабов не вернули, а заковали в рекруты на 25 лет!»). В действительности в 1807 году ратники – государственные и помещичьи крестьяне, мещане – получили возможность «обратиться в первобытное состояние». Правда, помещики могли при желании (!) оставить их на службе в счет будущих рекрутских наборов [8, с. 84–85].

В заявлении исследователя, что «русская армия храбро отступала», «маневрируя» в условиях бездорожья «со скоростью в среднем 11 км в сутки», безусловно, содержится едкая ирония. А ведь на самом деле и в арьергардных боях, которые вели на белорусских территориях отступающие с целью соединения 1-я армия М.Б. Барклая-де-Толли и 2-я армия П.И. Багратиона, и в битве под Смоленском, и в Бородинском сражении российские войска проявили исключительную доблесть!

А.С. Пушкин, оценивая «скифский» план ведения войны с Наполеоном военного

министра М.Б. Барклая-де-Толли, писал: «И долго укреплен могущим убеждением, / Ты был неколебим пред общим заблуждением». Подобную позицию впоследствии занял и назначенный главнокомандующим объединенной русской армии М.И. Кутузов. В целом стратегия отступления, заманивания превосходящих сил врага вглубь страны и тем самым его изматывания вовсе не свидетельствовала, как утверждает Е. Понасенков, о «бездарности» русского командования. Результаты войны 1812 года, по большому счету, нельзя оценивать исключительно сквозь призму поражений русских войск в ряде – пусть даже и главных – битв. Ведь были же далеко идущие последствия и Смоленска, и Бородина, и Малоярославца, которые предопределили изгнание французов с территории России.

Полководческий «глянец» справедливо был снят с М.И. Кутузова еще в условиях поиска исторической истины в годы перестройки, прежде всего усилиями саратовского исследователя Н.А. Троицкого [5]. Однако в интервью Е. Понасенкова намеренно в утрированной форме подаются некоторые реальные нелицеприятные факторы деятельности М.И. Кутузова в 1812 году: фрагменты Бородинского сражения, более 20 тыс. оставленных в пылающей Москве раненых, итоговое тяжелое состояние русской армии... Вместе с тем автор забывает (?) о принципиальном решении главнокомандующего оставить «первопрестольную» без боя, об осуществлении им феноменального тарутинского марш-маневра.

При рассмотрении «миролюбия» французского императора Е. Понасенков замечает: «Если бы он хотел идти на Москву – у него был идеальный шанс в 1807-м: он стоял на Немане, куда его привел Александр, а русская армия была недееспособна. Но Наполеон предлагает заключить союз». И снова передергивание фактов: ослабленная в боях в пределах Восточной Пруссии наполеоновская армия в 1807 году просто была не в состоянии это сделать. В силу реализации стратегического плана российско-французского командования французский император в 1812 году реально оказался от Парижа на расстоянии в 15 с половиной дней доставки в столицу Франции своих распоряжений. «Наполеон 36 дней живет в Москве – и никто (!)

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА» ПРОДАЕТСЯ

Минск

Брестская область: Барановичи, Брест, Пинск

Витебская область: Бегомль, Витебск, Глубокое, Городок, Докшицы, Лепель, Орша, Полоцк, Поставы

Гомельская область: Гомель, Житковичи, Жлобин, Калинковичи, Мозырь, Речица, Рогачев, Светлогорск

Гродненская область: Гродно, Кореличи, Новогрудок

Минская область: Борисов, Вилейка, М. Горка, Молодечно, Слуцк, Солигорск

Могилевская область: Бобруйск, Глуск, Горки, Кировск, Могилев, Осиповичи, Чериков, Шклов

его не тревожит», – отмечает Е. Понасенков. Однако и здесь полуправда: французскому императору было о чем беспокоиться, ведь все его попытки заключить мир с российскими властями оставались без ответа!

Историк А.И. Михайловский-Данилевский определил войну 1812 года как Отечественную (1839) [10, с. 15–16]. Это совершенно не совпадает с утверждением молодого исследователя о том, что «байку про «отечественную войну» придумал Николай Палкин к 25-летию юбилею: реформы буксовали, и ему была необходима патриотическая атака на население». В это время реформы как раз имели место: П.Д. Киселев осуществлял реформирование государственной деревни, Е.Ф. Канкрин укреплял финансы. Кроме того, не следует забывать, что в николаевской России действовала цельная идеологическая платформа «самодержавие, православие, народность».

В противовес устоявшемуся мнению о народном характере войны 1812 года Е. Понасенков заявляет, что «параллельно с локальной кампанией Наполеона (узкая полоска вдоль Смоленского тракта) в стране развернулась настоящая крестьянская война, которая охватила 32 губернии!». Даже советские исследователи не додумались проявление крестьянских волнений в период нашествия Наполеона (а это постоянный фактор развития феодально-крепостнической России) возвести на уровень войны, которая в современной историографии ассоциируется исключительно с «пугачевщиной».

Е. Понасенков отмахивается от Л.Н. Толстого. И зря... В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова среди многочисленных определений понятия «мир» находим и такое – «объединенное по каким-нибудь признакам человеческое общество» [9, с. 356]. Автор «Войны и мира» как никто другой смог познать менталитет российского общества начала XIX столетия. А без этого просто невозможно понять сущность «великого года России», каким, безусловно, выступает 1812 год.

Кто же выиграл от войны 1812 года? «Для России, – считает Е. Понасенков, – это катастрофическое поражение по всем статьям...» В опровержение подобного вывода можно говорить много. Однако с учетом уже сказанного, наверно, этого делать не стоит.

Тем не менее... 25 декабря 1812 года (7 января 1813 года) последовал «высочайший» манифест, извещавший об окончательном изгнании Наполеона из России. 1 (13) января 1813 года русская армия начала свой заграничный поход, который завершился 18 (30) марта 1814 года капитуляцией Парижа перед союзными войсками (Россия, Англия, Пруссия, Австрия). По итогам наполеоновских войн была сформирована Венская международная система, в рамках которой Российская империя вышла на одну из ведущих позиций. В свое время сатириконцы – вполне серьезно – отмечали: «После нашествия французов, а главным образом после бегства их, Россия еще больше окрепла и стала одной из самых великих держав мира» [1, с. 200]. В самой империи постепенно ликвидировались негативные последствия войны 1812 года, предпринимались попытки решения собственных злободневных проблем. Российское общество продвигалось на пути к 1861 году.

Юрий БЛАШКОВ,
доцент кафедры истории России
исторического факультета БГУ

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая история, обработанная «Сатириконеом». – М.: Наука, 1993. – 205 с.
2. О цене ревизских душ, каковую должно назначать при совершении купчих и дарственных записей, 3 августа 1806 г. // Полное собрание законов Российской империи. – 1-е собрание. – Т. XXXIX. 1806–1807. – № 22 229. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 672–673.
3. История России XIX – начала XX вв.: учебник для ист. ф-тов ун-тов / под ред. В.А. Федорова. – М.: Зерцало, 1998. – 743 с..
4. Злотников, М.Ф. Континентальная блокада и Россия / М.Ф. Злотников. – М.; Л.: Наука, 1966. – 360 с.
5. Троицкий, Н.А. 1812. Великий год России / Н.А. Троицкий. – М.: Мысль, 1988. – 348 с.
6. О необходимости поднять оружие к отражению французских войск от российских пределов, 13 июня 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. – 1-е собрание. – Т. XXXII. 1812–1815. – № 25 141. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 353–354.
7. О сборе внутри государства земского ополчения, 6 июля 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. – 1-е собрание. – Т. XXXII. 1812–1815. – № 25 176. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 388.
8. Богданов, Л.П. Русская армия в 1812 году: Организация, управление, вооружение / Л.П. Богданов. – М.: Воениздат, 1979. – 192 с.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.